

В следующие несколько дней Тао Даюн забросил поиски подработок в городе. Решив, что если сын верит в успех, то и ему следует взяться за дело всерьез, он засел дома обустроить загон. Чтобы овцы приносили пользу, за ними требовался глаз да глаз, а чистота в хлеву была делом первостепенной важности.

Молока от первой овцы после того, как наедался Сяо Нюню, едва хватало самому Юаньцзину. Мальчик не отказывался: сдобренное миндалем, оно совершенно не пахло и пилося легко.

«В этой жизни мои стартовые данные явно подкачали, — размышлял он, прихлебывая теплое молоко. — Если не взяться за себя сейчас, так и останусь коротышкой. В прошлых мирах мои возлюбленные всегда были выше меня, и это задевало мое самолюбие. Нужно подтянуться, пока расту»

Где сейчас его возлюбленный? Юаньцзин не знал, но интуиция подсказывала: они в одном мире. Оставалось лишь гадать, в каком обличье и когда этот человек снова ворвется в его жизнь.

Вскоре вторая овца принесла тройню, и молока стало в избытке. Теперь и старая госпожа каждый вечер с удовольствием выпивала по небольшой чаше. То ли самовнушение сработало, то ли и впрямь молоко было целебным, но старуха стала замечать, что сон её сделался крепким и спокойным.

Юаньцзин же повадился ходить к местам, где отец косил траву, и втайне от взрослых кропил зелень водой из духовного источника. Самих животных он тоже не обделял вниманием, подливая им капли жизни, когда никто не видел.

Два года пролетели незаметно и мирно. Самой заметной переменной в деревне стало превращение Тао Даюна в заправского заводчика. Теперь в его отаре насчитывалось более сотни голов. Для такого стада пришлось выкупить целый склон небольшого холма, превратив его в пастбище. Мясо овец из хозяйства Тао славилось на всю округу: нежное, сочное и напрочь лишённое специфического тяжелого запаха.

Если поначалу Даюну приходилось самому обивать пороги, предлагая товар, то теперь покупатели сами выстраивались в очередь. Увидев такие перспективы, он, не дожидаясь уговоров сына, пустил накопленное серебро на расширение дела, и в кошельке еще изрядно осталось.

Старая госпожа тоже не скучала. Когда молока стало слишком много, Юаньцзин научил её хитрости: делать сухую смесь и молочные ириски. Старуха вместе с Младшей госпожой Сун быстро освоили нехитрое производство, и за два года обе скопили себе неплохую заначку.

Деньги в руках придавали женщинам уверенности, а лица их светились здоровьем и спокойствием.

Десятилетний Юаньцзин за это время изрядно вытянулся. Отцу больше не нужно было провожать его в школу — мальчик сам легко преодолевал путь до города и обратно.

Однажды, когда он вернулся с занятий, в доме обнаружился гость — купец из соседнего уезда, приехавший присмотреть скот. Они с Даюном как раз спускались с холма, оживленно беседуя.

— Славно у вас дело поставлено, — говорил гость, заложив руки за спину. — Овцы чистые, крепкие, за версту видно — здоровы. Видать, у тебя, брат, рука легкая на это дело.

Даюн так и сиял от гордости, хотя на словах оставался скромным. Он-то знал: секрет успеха кроется в советах сына. Юаньцзин время от времени приносил охапки трав, наказывая подмешивать их в корм. Именно поэтому его овцы почти не болели и выглядели куда массивнее соседских.

«Какой же он у меня умный, — думал Даюн. — Пару книг прочел, а уже столько смыслит»

За два года он и сам выучил эти травы назубок, но помалкивал. Это должно было стать родовым секретом семьи Тао, передаваемым от отца к сыну.

При госте Юаньцзин о делах не заговаривал. Купец остался на ночлег, а поутру, забрав десяток отобранных голов, откланялся.

Перед тем как уйти в школу, Юаньцзин остановил отца, собиравшегося на пастбище. Вся семья была в сборе, кроме всё ещё спящего Сяо Нюню.

— Учитель сказал, что в этом году я могу попробовать свои силы на экзаменах, — спокойно произнес мальчик.

— Попробовать силы? — Даюн на миг замер, не понимая. Но осознание быстро накрыло его волной восторга. Он возбужденно потер руки. — Учитель Чэнь правда так сказал? Но не рано ли? Тебе ведь только десять исполнилось.

Госпожа Сун тут же отвесила сыну легкий подзатыльник:

— Наш Цзин-бао с пеленок умнее многих взрослых! Учитель Чэнь его только и хвалит. Раз велел идти — значит, надо идти. Не бойся ничего, внучок, бабушка в тебя верит. Мы все тебя поддержим.

— И мама, и Нюню тоже, — добавила Младшая госпожа Сун.

— Матушка, — Даюн не знал, смеяться ему или плакать, понимая, что в глазах матери он всегда на втором месте после сына. — Я не к тому, что не верю в него. Просто слышал, что эти экзамены — мука смертная. Боюсь, как бы такой малец не надорвался.

Старая госпожа тоже посерьезнела, разделяя его опасения. Но Юаньцзин только развел руками:

— Я ведь не зря закалял тело последние два года. Неужели ты сомневаешься в моей крепости? Раз учитель дал добро, я обязан участвовать в уездных испытаниях.

Если всё пройдет гладко, он планировал сдать и окружные, и провинциальные экзамены за один год. Звание сюэца дало бы ему вес в обществе, избавив от репутации «желторотого юнца». К тому же это освобождало семью от налогов и трудовой повинности. За последние два года отец откупался от работ серебром, а вот дядя Тао Дачжу вернулся с повинности чернее тучи, исхудавший и вымотанный так, что и за год не оправится. Крестьянская доля в эти времена была слишком горька.

— Ладно, — сдался Даюн. — Если уж ты решил, я спорить не стану. Пойду сегодня с тобой в школу, спрошу учителя, что нужно подготовить.

Юаньцзин не возражал.

Учитель Чэнь не стал ничего скрывать. Он подробно объяснил Даюну все тонкости предстоящих испытаний и нужные формальности. В Юаньцзине он видел свою главную гордость. За все годы преподавания он не встречал ученика способнее, а потому не сомневался: если не случится беды, звание сюэца у мальчика в кармане.

Окрыленный надеждой, Даюн принялся за сборы. Он заранее съездил в уездный город и снял комнату в постоялом дворе — во время экзаменов возвращаться домой каждый день было невозможно.

Экзамены назначили на февраль. Весна в тот год выдалась холодной, с колючими ветрами. Младшая госпожа Сун, помня наставления учителя, сшила сыну одежду без подкладки, но хитростью добавила тонкий жилет из кроличьего меха, чтобы тот не заоченел в экзаменационной келье.

Бабушка и мать провожали их до окраины деревни, наказывая Даюну беречь сына как зеницу ока и слать вести при первой возможности.

Даюн, разумеется, решил ехать сам. Овец на время своего отсутствия он поручил заботам старшего брата. С тех пор как исчезла Тао Эръя, отношения между братьями наладились. Раз уж Даюну всё равно приходилось нанимать людей для охраны стада, было бы дурным тоном обойти родного брата. Да и Тао Дачжу работал на совесть, не допуская ни малейшей оплошности.

Сяо Нюню тоже прибежал прощаться. Крепко обхватив ногу старшего брата, он не хотел его отпускать. Мальчик рос крепким, не по годам смышленным и круглоголовым — загляденье для всей деревни. Больше всего на свете он обожал брата и мечтал лишь об одном: поскорее вырасти и тоже пойти в школу.

Семья Тао Дачжу пришла проводить племянника в полном составе. Маленькая Четвертая (ставшая теперь Третьей) только что родилась, поэтому осталась дома, а Тао Дая, которой давно пора было подыскивать жениха, так и ходила в девках. Она стала еще молчаливее, проводя все дни в заботах о младших. Нынешняя Эръя тоже притихла — тень поступков их матери и сбежавшей сестры всё еще лежала на этом доме.

Глядя, как Госпожа Ван балует своего четырехлетнего сына Тао Цзиньбао, всё еще таская его на руках, Юаньцзин только качал головой. Говорили, что маленькой Третьей даже молока не доставалось — всё выпивал «драгоценный сыночек». Юаньцзин не знал, как вразумить тетку. Даже старая госпожа, при всей своей любви к внукам, никогда не превращала дочерей в сорную траву. Но у Госпожи Ван слепая любовь к сыну переходила все границы, и даже окрики бабушки не помогали.

В его собственном доме всё было иначе. Если Сяо Нюню капризничал, мать могла и пожалеть, но Юаньцзин всегда следил, чтобы брат усвоил урок. Бабушка в воспитание не вмешивалась, и результат был налицо: Сяо Нюню, хоть и был младше Тао Цзиньбао, вел себя куда разумнее.

— Не вертись, Цзиньбао, — ворковала Госпожа Ван, потискивая сына. — Учись у старшего брата, будешь тоже чиновником, принесешь матери почет.

Младшая госпожа Сун, услышав это, только хмыкнула про себя. Глядя на этого разбалованного сорванца, она меньше всего верила в его успехи в учебе. Неужели Госпожа Ван и впрямь думает, что талант дается каждому встречному?

Мать поправила воротник Юаньцзину:

— Слушайся отца и не упрямясь. Мы с бабушкой будем ждать тебя дома, наготовим твоих любимых блюд.

Юаньцзин погладил Сяо Нюню по голове и кивнул:

— Не волнуйся, мама. Я уже не раз бывал в городе. Всё будет хорошо. Нюню, слушайся маму и бабушку, понял? Вернусь — привезу тебе гостинцев.

— Гостинцев? — при этом слове у малыша тут же потекли слюнки, и он сунул палец в рот.

Мать поспешно подхватила его на руки, высвобождая палец. Помахав рукой на прощание, Юаньцзин взобрался на телегу и тронулся в путь.

Когда телега скрылась из виду, Сяо Нюню вдруг зашелся в плаче. Видимо, даже ребенок почувствовал, что этот отъезд брата был совсем не похож на обычный поход в школу. Позже мать еще долго вспоминала эти дни: каждое утро мальчик бежал в пустую комнату брата и плакал, требуя вернуть его домой.

В город они прибыли заранее, чтобы избежать суеты. Даюн нервничал больше сына, а Юаньцзин, напротив, сохранял поразительное для своего возраста спокойствие. Он вовремя ел, вовремя ложился спать, а в свободные часы неспешно упражнялся в каллиграфии. Духовная сила, накопленная за это время, отточила его память до совершенства — все нужные тексты были надежно запечатлены в сознании.

Даюн самолично следил за кухней постоялого двора и сам приносил еду сыну. Он слышал рассказы о том, как бедолаг-учеников выносили из келий из-за несвежего обеда, и не хотел рисковать.

После дня отдыха, еще до рассвета, они отправились к экзаменационным рядам. Вскоре появился и учитель Чэнь — он пришел поддержать своих подопечных, ведь, кроме Юаньцзина, от их школы выступали еще трое.

Даже беглого взгляда хватало, чтобы понять: Юаньцзин был самым младшим. Очередь нет-нет да и оборачивалась на него с любопытством, но мальчик не обращал на это внимания.

Даюн, снедаемый тревогой, едва замечал невозмутимость сына. А вот учитель Чэнь, поглаживая бородку, довольно заметил:

— Хоть Юаньцзин и мал, а выдержки в нем больше, чем во многих взрослых. Не беспокойся, Даюн. Уж уездный экзамен он точно пройдет, и место его будет не из последних.

— Твоими бы устами, учитель. Всё, что он умеет — твоя заслуга, — Даюн не скупился на похвалы, и Чэнь был искренне рад. Для наставника нет большего счастья, чем воспитать ученика, превзошедшего его самого.

Когда пришел черед обыска, Юаньцзин обернулся и помахал отцу, который так и застыл, вытягивая шею. Пройдя формальности и подтвердив личность, мальчик нашел свое место. Ему повезло — келья оказалась чистой, вдали от зловонных отхожих мест.

Пять дней пролетели чередой ранних подъемов и поздних возвращений. Пять этапов испытаний. Когда прозвучал финальный гонг, Юаньцзин наконец выдохнул. Эти древние экзамены оказались куда изнурительнее любой современной проверки знаний.

После окончания испытаний они остались в городе еще на одну ночь. Только когда сын отоспался, Даюн нанял телегу до дома. За всё время он не задал ни одного вопроса о том, как прошли экзамены. Он видел, что его сын был самым маленьким среди претендентов, и в сердце его жила лишь жалость к ребенку, вынесшему такую муку.

Перед отъездом они купили жареную курицу и сладости для младших. Юаньцзин и сам соскучился по дому. Несмотря на его опыт прошлых жизней, в этом мире он никогда не расставался с семьей надолго.

Они вернулись к полудню. Бабушка и Младшая госпожа Сун тут же засыпали его вопросами, причитая, что за эти несколько дней он совсем исхудал и теперь его нужно откармливать.

Юаньцзин только посмеивался. Он попытался угостить Сяо Нюню сахарным боярышником, но тот, обидевшись на долгое отсутствие брата, демонстративно отвернулся.

— Надо же, какой характер! — рассмеялась Младшая госпожа Сун, шутливо щелкнув младшего по носу. — Плакал по нему каждый день, а теперь нос воротит.

Стоило Юаньцзину сделать вид, что он сам съест лакомство, как обида Сяо Нюню мгновенно испарилась. Малыш с визгом бросился в объятия брата. Юаньцзин подхватил его, весело смеясь. Теперь Сяо Нюню ни за что не хотел слезать с рук, так и вцепившись в шею брата, пока тот рассказывал родным о поездке. Вскоре потянулись и любопытные соседи. В деревне только теперь узнали, что мальчик ездил на экзамены. Многие удивлялись, но мало кто верил в успех — слишком уж он был мал, когда вокруг сидели за учебниками куда более зрелые мужи.

В день оглашения результатов Даюн снова взял сына с собой. На этот раз они поехали вместе с учителем Чэнем и остальными учениками.

Они прибыли рано, и им пришлось долго ждать, прежде чем вывесили списки. Несколько сотен человек одновременно кинулись к доскам. Юаньцзин впервые видел такую давку. Даюн тоже было дернулся вперед, но сын удержал его за руку.

— Папа, результат от этого не изменится. Давай подождем, пока толпа поредеет.

— Ха-ха, я же говорил — в нем выдержки больше всех! — довольно рассмеялся учитель Чэнь.

Трое сокурсников, которые были значительно старше, держались особняком. Даюн не выдержал долго, вытягивая шею, и всё же решил протиснуться поближе.

В этот момент в толпе кто-то выкрикнул:

— Кто такой этот Тао Юаньцзин? Чей это ученик занял первое место?

Крик повторился несколько раз, но никто не откликался. Даюн и учитель Чэнь замерли как вкопанные. Отец глупо посмотрел на наставника:

— Учитель... я не ослышался? Кого называли Аньшоу?

— Всё верно! Аньшоу — Тао Юаньцзин! Ха-ха, не ищите его, это мой ученик! — Громовой хохот учителя Чэня заставил всех обернуться в их сторону.

Даюн, вне себя от восторга, подхватил сидящего рядом сына на руки:

— Мой сын — Аньшоу! Мой сын занял первое место! Цзин-бао, как же ты порадовал отца!

Толпа ожидала увидеть среди победителей кого-то из семнадцатилетних юношей, но, увидев, что победителем оказался ребенок, которого отец сейчас подбрасывал в воздух, люди сначала застыли в изумлении, а затем по площади прокатился добрый смех.

Юаньцзин не ожидал такого порыва. С восьми лет его так не таскали на руках, да еще на виду у всех этих людей. Даже его «толстокожесть» дала трещину. Видя сотни удивленных взглядов, он густо покраснел и зашептал отцу на ухо:

— Папа, отпусти скорее! На нас все смотрят!

Только с третьего раза Даюн пришел в себя. Со смущенной улыбкой он поставил сына на землю, поправил на нем одежду и чинно поклонился окружающим. Люди ответили понимающими улыбками — вряд ли кто-то на его месте повел бы себя иначе, если бы его ребенок в таком возрасте стал лучшим на экзамене.

Учитель Чэнь, видя редкое смущение своего любимца, тоже не удержался от улыбки:

— Брат Даюн, Юаньцзин теперь туншэн. Пора бы перестать обращаться с ним как с малым дитятей.

— Да, учитель, ты прав, — серьезно ответил Даюн, стараясь скрыть ликование. — Я совсем потерял голову.

Он напомнил себе, что впредь нужно быть степеннее. Сын стал Аньшоу, ему теперь предстоит вращаться среди ученых мужей, и такие отцовские нежности могли бы выставить его в нелепом свете. Но как ни старался он держать лицо, улыбка сама собой растягивалась до ушей. Его Цзин-бао — лучший!

Вскоре и остальные ученики узнали свои результаты. Один провалился, двое других прошли. Для учителя Чэня это был великолепный успех. Напутствовав проигравшего готовиться к следующему году, он наказал остальным готовиться к окружным испытаниям в апреле. Юаньцзину же, как лучшему ученику уезда, статус туншэна присваивался автоматически, избавляя его от необходимости сдавать окружной экзамен. Теперь его целью были провинциальные испытания в июне, после которых он мог стать полноправным сюэем.

Распрощавшись с учителем, они двинулись обратно в Таоцзя. Госпожа Сун, Младшая госпожа

Сун и Сяо Нюню, как и прежде, ждали их на окраине. Других жителей не было — мало кто верил в успех.

Увидев родных еще издалека, Даюн не выдержал. Он вскочил на телеге и закричал во всё горло:

— Матушка! А Лань! Цзин-бао — Аньшоу! Наш сын занял первое место! Он теперь туншэн!

Крик его разнесся над полями, и женщины, обезумев от радости, бросились навстречу. Сяо Нюню смешно перебирал короткими ножками, стараясь не отставать.

Когда телега остановилась, Даюн снова прокричал подбежавшей матери:

— Первое место, мама! Его освободили от следующего экзамена, он уже официально туншэн!

— Ох, сокровище моё! Свет ты наш ненаглядный! — Госпожа Сун прижала внука к себе. Он никогда не обманывал её ожиданий.

Младшая госпожа Сун плакала, не скрывая слез счастья. Настоящий туншэн! В их краях это звание давало огромный почет. В деревне Таоцзя не было ни одного туншэна с тех пор, как преставился последний старик-ученый много лет назад. Все знали: эти экзамены не каждому по зубам.

— Брат, я тоже хочу обниматься! — вклинился Сяо Нюню.

Даюн со смехом подхватил младшего и подбросил его высоко в небо. Малыш тут же забыл о брате, хлопая в ладоши и требуя «еще разок».

Весть мгновенно разлетелась. Соседи, слышавшие крики на дороге, спешили в деревню. Нужно было срочно известить главу клана — это было великое событие для всего Таоцзя.

Не успели они доехать до ворот, как навстречу высыпала толпа во главе с главой клана. Один из почтенных старейшин, опираясь на посох, спросил Даюна:

— Правда ли то, что мы слышим? Юаньцзин стал Аньшоу?

— Чистая правда! — Даюн старался говорить погромче, зная, что старик туг на ухо. — Лучший в уезде! Теперь он туншэн, в июне поедет в столицу провинции на финальные испытания!

— Ха-ха! Слава предкам! Юаньцзин — гордость нашего рода! — воскликнул старейшина клана.

— И ты, Даюн, молодец. Воспитал достойного человека!

Даюн гордо расправил плечи. Да, это был его сын. Его плоть и кровь!

<http://bllate.org/book/15835/1501901>